

По воле Божьей...

...Смотрю на календарь.

Вот-вот Проводы. А мне аж на два кладбища — на Второе и Слободское. К Витьке Лебедеву и Вальке Грицоку. А кто еще пойдет? Уже больше никого нет...

Если внук успеет из рейса, то подбросит. А так — маршрутки и пешком. Через всю Одессу.

А что, легко?

Не надо так громко на меня смотреть — я всего 26-го года! Конечно, нетрудно посчитать, сколько мне. А зачем считать? Я и так знаю.

Вот доковылял до таких лет. И при румынах выжил, и в Советском Союзе, и теперь тоже еще что-то кручусь.

Смотри хоть вдаль, хоть себе под ноги — все равно перед тобой уже пробежала вся жизнь. Много говорить...

Вот доберусь, посижу возле ребят моих. Помяну и вспомню. А вспомнить, слава Богу, есть что.

Кажется, всю жизнь я бредил морем.

А как иначе? Вырос на Торговой, в самом-самом начале улицы. Сейчас вместо моего 4-го номера — пустота и памятник очередному "закрытому" ученому. Это все война — в 41-м бомбили порт и вот попали к нам.

А учился за углом в 37-й школе, на Софиевской. С Витькой Лебедевым и Валькой Грицоком все время проводили на склонах, соединяющих мою Торговую с Приморской улицей. Те склоны — это как отдельное государство! Летом вообще — настоящие джунгли с заброшенными тропками среди старых акаций и зарослей "кашки", черепичными крышами, дымящими кухнями, сохнувшим бельем, пасущимися козами, гордо разгуливающими курами и "злыми" собаками.

Здесь мы и курили втихаря, и в карты резались, и казнили школу, и... выросли.

А где еще в Одессе такое открытое место, как начало нашей Торговой, откуда можно было бы так всюду увидеть и порт, и море?! Казалось, вот-вот рукой дотянешься до любой корабельной палубы! А шагающие портальные краны, железная дорога, снующие туда-сюда буксиры, голоса судов у причалов? Короче, море — дом родной. И даже больше.

Уже потом, когда плавал, еще на подходе к Одессе всегда пристально всматривался в берег, пытаюсь распознать наш Армянский переулок.

Разве надо что-то еще рассказывать про Армянский переулок?!

Старые тополя. Кирпичные дымоходы на крышах. До боли знакомая трансформаторная будка... Тут тебе и водка даже глубокой ночью, и самогонка, и перепродажа шмоток, и... приключения на закуску. А военные моряки с золотистыми ленточками на бескозырках? А дорога к портофлоту? К Андросовскому и Потаповскому молам? Представлялось, что я иду на судно, — впереди чужие моря, и прохожие с завистью смотрят мне вслед... Я же жил этим!!!

А с того Армянского до моего дома — уже пробежать чуть по лестнице навверх. Каких-то пару минут...

Не сразу доходило, что дома моего давно, еще с войны, нет. Нет и родителей, нет ничего и никого, что связывало с той жизнью.

...Тогда все нуждались, а ученик я был, по правде, никакой. Сразу после семи классов пошел учеником фрезеровщика на судоремонтный завод Марти. Это тот самый Марти, о котором в Одессе говорили: "Завод Марти — ни заработать, ни уйти". Хоть курево уже начал покупать за свои, хоть в семью не лишняя копейка...

На тех же склонах вместе с Витькой Лебедевым и Валькой Гриццоком отметили свое взросление. Я вообще был больше уличным, чем домашним... Для самоутверждения, что ли, или для большей взрослости, чтобы не казаться маменькиными сынками, решили сделать каждому по наколке. А кто тогда не пел "Мурку", кто тогда не имел наколки?!

Короче, две иголки перемотали ниткой, макнули в обычные чернила — и вперед... Вообще, простой рисунок наносили на глаз, сложный — переводили с кальки или копирки, слюнявя химический карандаш. В этом деле у нас были свои мастера! Кололи так, чтобы иголки глубоко не входили в тело. Кололи весело, покуривая, как бы между прочим.

Мне сделали наколку на спине.

Я же не видел, что там колют! Обещали "море с чайками", а в шутку, безо всякого злого умысла (мы же были четырнадцатилетними пацанами!), шлепнули совсем другое. Накололи... распятие Христа — Иисус Христос, принимающий мученическую смерть на кресте! И это мне, мальчику из приличной еврейской семьи!!!

Не спрашивайте, что было дома.

Вначале все забыли за ту наколку — спасали меня. Температура за 39, спина горит. Решили, что уже началось заражение крови. Срочно в Еврейскую больницу, к знаменитому доктору Файнблату. Потом примочки, таблетки, уколы...

Не так быстро все улеглось, а наколку не сотрешь — это уже на всю жизнь. Дома постепенно смирились, хотя скрывали "такой позор" от соседей, родственников и знакомых. Тогда же в разгаре была борьба с религией, а тут такое клеймо. Одним словом, конец света...

Я Витьку с Валькой не вложил, обиды прошли, и мы продолжали еще крепче дружить.

Потом началась война.

Отец погиб в народном ополчении еще во время обороны Одессы. Маму с бабушкой убили сразу же, в октябре 41-го, когда брали заложников. Я остался случайно.

Евреев хватили везде — на улицах, базарах, толчках. Вытаскивали из квартир и подвалов, вылавливали по селам и проселочным дорогам. Конечно, не без помощи соседей, дворников и наших "активистов". Многие сдавали евреев, чтобы выслужиться или чтобы забрать их имущество. Многие просто "за боюсь", многие просто так...

А как было мне? Вокруг ни одной родной души!

Я всегда думал, что Одесса очень-очень большая. А оказалось, что как раз еврею спрятаться негде...

Первое время спасался на моих довоенных склонах. Ночевал здесь — вокруг все же было знакомо до каждого кустика! Голодал — это не то слово... Потом только дошло, что тут могут опознать уличные знакомые, одноклассники. Хотя изменился, казалось, до неузнаваемости — изменил прическу, стал совсем по-другому одеваться. Весь гардероб — кепка, куцый пиджак, дырявый шарф и еще кое-какие обноски. Пацан пацаном...

Крутился то там, то здесь. Прятался. Внутренне я ощущал себя евреем. Боялся самого себя. Смогу ли выдержать чей-то подозрительный взгляд? Пугался громкого окрика за спиной. А вдруг кто-то признал?

Хочешь — не хочешь, очень быстро взял себя в руки. Не реагировал ни на какие румынские указы. Все документы уничтожил, сохранил лишь "нейтральный" пропуск с фотографией на завод Марти. Чуть подкорректировал свое имя. Вместо Веня Кравец подправил — ВАНЯ Кравец. Одна буква решила все.

...Как-то в марте 42-го шел с Витькой Лебедевым по Преображенской, в сторону своей Торговой. По улице гнали толпу евреев, очевидно, в гетто на Слободку. Мы заболтались... На меня указала какая-то баба. Тут же конвоир-румын попытался втолкнуть меня в эту толпу. Первым опомнился Витька. Он с криком задрал мой свитер и указал на наколку. Какой он еврей?! Смотри на распятие! Он же верующий!!!

Действительно, какой еврей, да еще в советское время, будет носить такую наколку?! Конвоир подозвал офицера. Наколка оказалась весомее любого документа. От меня отцепились.

Тогда-то я понял, какая ценность у меня на спине. Понял, что Бог даровал мне жизнь, что Бог хранит ее... Что все это неспроста. Как никогда уверовал: Христос — Спаситель мой.

Потом по пропуску на завод Марти получил временную румынскую бумагу на имя Вани Кравца. Нацепил на шею шнурок с деревянным крестиком, научился креститься. Выучил: "Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя...".

И "Возлюби Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоей, и всею мыслью твоею...". Или там "Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного...". И много чего другого...

Да и сейчас, еще по той оккупационной привычке, внезапно даже для себя автоматически крещусь — где надо и не надо. Тогда для меня это было какой-то паузой, чтобы выиграть время и выйти из затруднительного положения.

Вот так и выжил.

Прибился к беженцам из Бессарабии. Они и румынский хорошо знали, и обычаи их. Ну как бы вроде свои. Таскали, разбирали развалки, чуть строили... Что они могли знать обо мне? Сирота, дом разбомбили, родители погибли под обломками. Очевидно, из религиозной семьи...

Только со временем понял, что если буду жить сам и постоянно на одном месте, большая вероятность беды. Поэтому старался не отрываться от моих бессарабцев. Каждый раз поселялись то там, то здесь. Ну где строили, там и жили. Толпой входили, толпой выходили...

Одни бессарабцы передавали меня другим. Так бежало время...

А то подрабатывал грузчиком на Товарной, то с гробокопателями на Слободском кладбище. Так кантовался среди добрых людей. Одно время был даже на подхвате в буфете театра "Интим" на Греческой, то подносил уносил в магазине "Романия" на Александровском проспекте, то восставливал взорванную Хаджибейскую дамбу.

Важно, что я всех приучил, — когда чувствовал себя неуверенно, когда поднимали острые темы, — всегда спешил на молитву. К таким моим отлучкам привыкли.

А сколько раз стоял у Алексеевской церкви или на Преображенской, под Успенской церковью, с протянутой рукой... Кто хлеба кусок, кто лепешку, кто яблоко... Сердце стучало: "Господи, помоги! Помоги, Господи!!!". И Господь всегда помогал.

Наколка не подводила, она была надежнее любой метрики. Предъявлял ее от случая к случаю для большей убедительности. Как бы случайно... Да и проверить никто ничего не мог — дома моего нет, спросить некого — соседи и дворники разъехались кто куда. Проверка "на обрезание" тоже ничего не давала...

А как-то в 43-м на Пасху возле вокзала уже наш полицейский забрал Вальку Грицюка в участок. Валька специальным длинным крючком стягивал с бортовых машин овощи, там, буряк или капусту. Голодуха... Куда денешься?

За воровство румыны наказывали жестоко. Я шел следом, но как выручить Вальку? Рискнул воспользоваться своей наколкой. Уже в участке, улучив момент, нахально одернул этого полицейского: "Дяденька, идет Пасха! Буду Господа просить за ваше здоровье. У Господа я свой, он меня услышит... Но я могу попросить и наоборот. Он меня тоже услышит. Помогите моему брату, Христом Богом прошу!". Услышать такое из уст шестнадцатилетнего пацана! При этом стал на колени, демонстрируя мое "распятие".

Полицейский онемел. Мы договорились без второго слова — я побежал и принес еще серебряные ложки — единственное, что случайно осталось от мамы моей... Так выкупили Вальку Грицюка. А сколько раз Валька рисковал жизнью, прикрывая меня?

...Как-то настоятель Алексеевской церкви случайно увидел наколку, обратив внимание на то, как я усердно и довольно долго молюсь. Указывая на меня, он молвил прихожанам: "Дети мои! У него Господь не только на теле, Господь у него в душе... Сынок! Господь тебя не оставит...".

С другой стороны, мне просто не было куда идти — я долго молился еще и потому, что в районе Алексеевского базара проходила крупномасштабная облава.

...И когда сегодня звонят колокола на Соборке, мысленно возвращаюсь к еще тем страшным дням. А если по-честному, я до сих пор так и не знаю, какому Богу поклоняюсь. Жизнь все перепутала...

Потом я долго спрашивал себя: "Неужели все прошло?". Но все только начиналось.

Война не отбила охоты плавать. Уже в 46-м поступил в Одесскую мореходную школу № 4, на Сабанеевом мосту. Лоции, навигация, морские узлы, политзанятия. Начинать матросом на "Карле Марксе" — это бывшая "Диана". Рейсы на Румынию, Болгарию. Потом "Чехов", еще потом — "2-я пятилетка". Ходили и на Америку, и на Индию. В Америку — руду, в Индию — зерно. Назад — каучук, джут. А отоваривались тогда в Сингапуре — костюмы, сандалии-туфли, рубахи, отрез "бостон". Невесте — так отрез на платье, чулки...

Перегонял "Иртыш" и "Дунай" из Одессы на Каспий, в Баку. Это через Гибралтар, Гамбург, Ленинград, затем по Мариинской системе аж через 42 шлюза — на Волгу, дальше вниз — в Баку. Потом уже по Каспию добирался с зерном даже до Ирана.

А с 50-го года ходил уже боцманом, пока в 78-м не ушел с флота совсем. Дела семейные. Старая песня...

Что я?

Работал не хуже других. Хотя как было? Капитан всегда подбирал "своего" стармеха и "своего" боцмана. А иначе что? Иначе сам будешь лезть в машину, сам будешь заниматься палубным хозяйством. А только один такалаж чего стоит?!

...И хоть сам впрямую никогда не воевал, а считаюсь участником боевых действий. Ракеты, пушки и другие "игрушки" — на Кубу, во Вьетнам, в Анголу.

Тогда особо не задумывались, что в тех районах идет настоящая гражданская война. А мы же шли на помощь. Мол, наших бьют!

Ты швартуешься, а тут рядом слышны взрывы — идет бой...

А охрана корпуса от диверсантов?

А проводки без лоцмана, который с испугу дал деру?

А рев танков, сходящих с кормовой аппарели?!

Казалось, сердце вот-вот выскочит. Дома же молчал, как рыба, — все хорошо, кругом весело...

В голове до сих пор еще та "Белоруссия" с уникальным капитаном Монеи Соловьевым и "Сызрань", и "Фролово", и погибая "Умань", и "Дивногорск", и "Капитан Алексеев", и "Октябрьская революция". И родные лица, и чужие страны, и радость швартовки к одесскому берегу. И как детей своих поднимал на руки... Короче, все равно, в голове Карибское море заодно со Средиземным...

...Эх, жизнь, жизнь, с ее остановками и поворотами!

Уже после войны, особенно, в 50-60-е годы, наоборот, — как мог скрывал свою наколку. Опять пришлось прятаться... Как тогда относились к религии, известно.

В жарких странах выходил на палубу в футболке. И так мне как "инвалиду 5-й группы" визу открывали с большими трудностями. Зачем же гусей дразнить? Про Рождество, там, Пасху или крещение детей говорили только с очень близкими, и то вполголоса. Даже крестики нательные не носили, боялись. А стучачей у нас всегда хватало, да и помполиты тоже хлеб напрасно не ели.

Иногда ко мне не просто присматривались. Особенно в 67-м году — после шестидневной войны на Ближнем Востоке.

В пароходстве называли то Ваней, то Веней. Так кто же все-таки он? Кто этот еврей с "распятием"? Обошлось... А как-то, завидя наколку, 2-й помощник зло пошутил. Я при всех взял его за душу: "Не тронь, сволочь, Господа. Берегись гнева Господня...". По приходу жаловаться он побоялся. Побоялся, что мои слова все-таки могут дойти до Бога...

А вообще, где теперь те, кто учил нас родину любить?! Где они сейчас? По Лондонам да по Грециям с Кипрами — при своем бизнесе. Зачем им та Одесса?

А как осуждали, как били себя в грудь? Как загоняли в угол жизни...

Сами-то при первом удобном случае — ноги в руки. И крестятся теперь сразу двумя руками.

Люди, люди...

Наверное, уже пойду.

Еще на Комсомольский бульвар и туда дальше — в сторону Торговой, где когда-то стоял мой дом.

Теперь смотрю на все это сквозь годы.

Перед глазами опять мама, наши склоны, Витька с Валькой, заклеенные накрест окна... Еще те буксиры на рейде и шум порта, и запах отработанного машинного масла, и палубы судов, на которых пробежала вся жизнь.

И боль от той наколки, напоминающей, что есть добро на белом свете.

